

Клип полон метафор и намёков. Он длится семь минут и 13 секунд, при том что песня занимает лишь три с половиной минуты. Развёрнутая в клипе внепесенная реальность существенно обогащает и перекодирует песенный текст. Первое, что нужно отметить и что прошло мимо многих рецензентов и фанатов: образцом для выбора типажа актёра, сыгравшего главную роль, — щуплого светловолосого клерка в очках и с аккуратной стрижкой — стал не кто иной, как обрусевший Эдвард Сноуден — одиночка, бросивший вызов гсударству.

Остальные герои являются представителями разных социальных страт: от продавщицы круглосуточного магазина до музейной дамы, от таксиста-кавказца до полицейского-гаишника. Все они вслед за банковским клерком взламывают шаблон обыденности. Программный жест с показом пяти разных социальных групп очень важен — это метафора единения нации. Все они бунтуют против рутины и иерархии. Кажется, на повестке лозунг 1980-х годов «Перемен, мы ждём перемен!» Виктора Цоя. Переход этих социальных границ делает героев не только свободными, но и единомышленниками. Это подпитывается главным эликсиром — водкой (шампанское и мартини в кадре — маркер гусарского шика, не более).

САТИРА С АЛКОГОЛИЧЕСКИМ ЗАГУЛОМ ВДРУГ СИМВОЛИЗИРУЮТ ПОБЕДУ НАРОДА НА БАРРИКАДАХ

Опьянение героев нарастает и проходит от этапа радостной эйфории до сонного отупения и даже рвоты. Эта алкоголическая трансгрессия достигает своего апогея поздно ночью на крыше одного из петербургских особняков. Главный герой снят с зажжёнными факелами в руках. Этот эффектный фрагмент — прямая пародия на героя Николаса Кейджа в голливудском блокбастере «Скала». В ассоциативном поле этого кадра также есть холст «Свобода, ведущая народ» Эжена Делакруа. Композиционное сходство усиливается соратниками клерка у его ног. Так и на картине у символа свободы расположе-

ны фигуры тоже пяти разных социальных страт: буржуа, рабочий, подросток, военный и учащийся политехнической школы, представляющий интеллигенцию. Все вместе они символизируют единство народа в июле 1830 года, свергнувшего династию Бурбонов.

Сатира с алкоголическим загулом вдруг символизируют победу народа на баррикадах. Этот эзопов текст с намёком на огненный майдан в окрестностях Эрмитажа может быть прочитан как сатира над фобией российских властей и как пастиш над акцией Петра Павленского, который поджёг дверь ФСБ несколько месяцев назад.

ПРОГРАММНЫЙ ЖЕСТ С ПОКАЗОМ ПЯТИ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ОЧЕНЬ ВАЖЕН — ЭТО МЕТАФОРА ЕДИНЕНИЯ НАЦИИ

Другие рифмы

Впечатляет внимание к мельчайшим деталям. Типажи персонажей очень продуманны, включая даже массовку. Некоторые из них приобретают символично-аллегорический характер. Кружка с надписью «Босс», бейдж VIP, водка «Царская», соседство «Ювелирторга» и шаурмы. Машущая лапой кошка «Манэки-нэко» — популярная японская фи-

гурка, приносящая удачу. В клипе есть чисто эстетская, необязательная рифма продавщицы и кошечки, приносящей удачу: та же поднятая рука, губы красные, как уши у кошки, и цвет свитера в тон — тройная рифмовка.

Не менее известный символ — марка автомобиля таксиста. Это BMW, отсылающий к роуд-муви «Бумер» о криминальной четвёрке друзей (Шнуров создал к фильму саундтрек и именно тогда стал миллионером). Не менее программная деталь — вишнёвая «девятка» — семиотический маркер 1990-х и намёк на шлягер «Твоя вишнёвая «девятка» меня совсем с ума свела». В этой

машине в клипе были криминальные «братки», выкинувшие гаишника в канал. Прошедший огонь и воду гаишник, в свою очередь, символизирует принца, которого наконец дождалась искусствовед. При этом очевидно несоответствие идеального образа из европейского фольклора и его незавидного статуса в цеховой иерархии: он старший лейтенант — карьера не задалась. И в этом — очередной парадоксальный сдвиг российского бытия.

Появление полотна Карла Брюллова «Последний день Помпеи» — тот ещё ребус, это заявление «Мы у бездны на краю» и Show must go on. Об ужасе ка-

тастрофы искусствовед говорит высокопарными клише, но эти слова никто не слышит, и они никого не пугают. Сегодняшняя Кассандра обрывает цитату Пушкина и примыкает к бунтарям. Съёмки проходили в Мухинском училище, и поэтому создатели специально изготовили уменьшенную копию картины Брюллова. Чтобы в этом убедиться, пришлось туда пойти, и теперь сомнений нет: им нужен был именно этот холст.

Едва попадающие в кадр слепки с фриза «Пергамского алтаря» с грандиозной битвой богов и титанов работают на сгущение брюлловской метафоры. Рассвет герои клипа встречают на крыше, подобно богам наблюдая панораму развернувшегося у их ног Города. Их расположение по нисходящей диагонали напоминает о криминальных комедиях «11 друзей Оушена» и нескольких плакатах к ним. Силуэты на фоне неба заставляют вспомнить культовые заставки трилогии Кеосаяна. Последние кадры клипа показывают озябшую похмельную пятёрку на Дворцовой площади. За кадром диссонирующее бодрое радиоприветствие, которое рождённые в СССР сразу проецируют на повседневность советских времён. Уместно вспомнить строку из Александра Башлачёва: «По радио поют, что нет причины для тоски, и в этом её главная причина».